

направлении развивались социально-психологические и философские жанры, основанные на стремлении одолеть хаос способом эстетического восстановления порванных связей человека и породившей его Среды, той национальной почвы, вне которой навсегда оказались эмигранты. Автобиографические произведения, романы-воспоминания, лирико-философская проза и поэзия отразили мироощущение одиночества человека, счастливого лишь в воображаемом, давно бывшем времени. Разрабатывая "духовную" проблематику, связанную с русским православием, писатели-реалисты этой ветви активно продолжали традиции древнерусской житийной литературы, стремясь восстановить единое культурное пространство нации.

Разумеется, три выделенных нами русла в русском реализме первой трети XX века не существовали изолированно друг от друга. Процессы их взаимодействия требуют специального рассмотрения.

В. В. Хлопочкина
Екатеринбург

ЗНАКИ АВТОРСКОГО СОМНЕНИЯ В ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА "РОКОВЫЕ ЯЙЦА"

Повесть М. Булгакова "Роковые яйца" в восприятии читателей и критики получала нередко огрубленное поверхностное истолкование то как веселая безделушка, то как злонамеренный политический выпад в адрес вождей пролетариата.

Между тем очевидно, что более внимательного рассмотрения заслуживают способы проявления авторской субъективности, принятые в этом произведении и способствующие выведению его смысла за пределы бурлескного "куроводческого" сюжета.

Направляющим всю палитру булгаковских оценок, по нашему мнению, становится изначальное сомнение писателя не просто в успехе затеянного героем дела, но и вообще в возможности существования жизни, устроенной на порочных основаниях. Подобное миропонимание проявлено в повести вполне по-булгаковски: не только выразительно разыгранным спектаклем, но и специфически выстроенной системой эстетически значимых мет, знаков, сигналов, открывающих свою ценностную направленность подчас лишь через интертекстуальные связи.

Обращает на себя внимание доминирующий в познавательных установках писателя иронический модус художественности.

Булгаковым сформировано особое аксиологическое пространство с зафиксированным в нем нравственно-философским центром, относительно которого разворачивается весь диапазон оценочных обозначений. Он отмечен изобразительной “двусоставной” деталью - “золотым шлемом храма Христа, над которым, как на ниточке, висел лунный серп”. Ее надличностный, бытийный смысл, по сути, и задает меру вещей и событий в данной повести.

Ирония Булгакова выступает как концептуально специфический способ профанирующего изображения жизни, отпавшей от единого природного универсума. Следствием этого становится специфическая структурная сориентированность всего художественного мира повести на основе иронического типа связи всего со всем.

Так, все действие повести движется в пределах авторской ценностной оппозиции Христос - Антихрист. “Пришельцем” неоднократно называется Рокк, о котором говорили, что он антихрист, “а его яйца дьявольские”. По сути, с его появлением ассоциируется не только бредовое дело, но и весь уклад новой жизни, охарактеризованный как следствие “колдовства”, “сглаза”, “порчи”, вообще того, что “господь прогневался”. В тексте появляются inferнальные знаки, вроде “лакированных ботинок с носами, похожими на копыта”, “левой калоши”, “воплей Валькирий”, “ангела во френче и лакированных сапогах” и, наконец, - “рока с бумагой”. Линия бесовского деяния композиционно прочерчена непрерывным рядом чертыханий.

В сопоставлении с предшествующей “Дьяволиадой” сигналом саркастической иронии выглядит звучание образа и мотива “стекла”. Резко субъективное прочтение его как дьявольского знака было уже задано автором в его произведениях. “Куриная история” происходит в городке Стекловке Стеклового же уезда, а вдовьи яйца появлялись на “стекловском рынке”, а, бывало, что и в стеклянных витринах бывшего “Сыр и масло Чикина в Москве”. “При помощи линз и зеркал” Иванов сооружает камеру, в которой и получает “луч от электричества”, ибо “в спектре солнца его нет”.

Иронической установке на увенчание - развенчание кипучей самодеятельности новых людей соответствует выбранный автором пародийно-травестийный подход к материалу и выявление его карнавальная, искусственной природы.

Авторское сомнение проявлено, наконец, легко уловимой иронией стиля, возникающей на базе всеобъемлющей кривозеркальности изображения - от легкой подвижки в мелочах -

“Певсиков”, “Красный ворон” до главного и многозначительного “Красный луч” расположен в оранжерее (снова - стекло!) Шереметьевых.

Текст повести пронизан многозначительными знаками авторского сомнения и на уровне повествовательного слова, но из общей системы этих сигналов возникает предостерегающая уверенность Булгакова в необратимости идущего распада.

С. Б. Ходов
Челябинск

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ЖУРНАЛА “УРАЛ” (1968-1980)

1968 год стал концом хрущевской оттепели. Для “Урала” политическое похолодание выразилось в назначении нового главного редактора. Вместо Георгия Краснова журнал возглавил Вадим Очеретин. Он уже имел опыт руководства региональным журналом: Очеретин был первым редактором возрожденного в 1958 году “Уральского следопыта”. Это был, судя по всему, жесткий, властолюбивый, иногда даже жесткий человек, но талантливый организатор и, говоря современным языком, прекрасный менеджер. За годы его редакторства тираж журнала возрос вчетверо: с 30 до 120 тысяч экземпляров, что было выдающимся результатом для провинциального издания. Очеретин ориентировал журнал на постоянное взаимодействие с читателями: редколлегия устраивала выездные заседания во многих уральских городах, не раз на страницах “Урала” появлялись анкеты, учреждались призы для наиболее активных читателей. В целях увеличения тиража журнал из номера в номер помещает детективы и фантастику (в том числе переводные), в качестве эксперимента помещает в нескольких номерах брачные объявления, проводит конкурс анекдотов, но это были только формы привлечения подписчиков.

Цель же была в другом: Очеретин считал, что журнал, издающийся в “опорном крае державы” должен освещать прежде всего уральские проблемы, печатать уральских писателей и, поскольку Урал - это, в первую очередь, промышленный регион, то и для журнала на первом месте должна стоять производственная тема. “Урал”, по Очеретину, - журнал рабочего класса Урала. Такая позиция, конечно, была закономерной и логичной, но, проводившаяся слишком последовательно, он не могла не обеднить журнал. С приходом нового редактора из “Урала” исчезает, например, раздел зарубежной лите-